

29 НОЯ 1977

«ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ»

СЧАСТЛИВАЯ ПОРА ТВОРЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ

ТЕНГИЗУ МУШКУДИАНИ — 50 ЛЕТ

БОЛЕЕ десяти лет тому назад в кулисах концертного зала Рижской филармонии один из старейших ее администраторов, человек, по долгу службы слышавший на своем веку многих великолепных певцов, сказал автору этих строк фразу, искреннюю по чувству и точную по смыслу: «Во всем, что касается искусства, народ ваш нежно отмечен богом». Сказано это было под живым и сильным впечатлением от сольного концерта Тенгиза Мушкудиани, совершавшего тогда гастрольную поездку по Прибалтике. Всякий, кто захотел бы дать оценку творчеству народного артиста республики Т. Мушкудиани, должен был бы начать с того, о чем так своеобразно и высоко сказал рижанин А. Грайкст — о природном даре, определившем судьбу молодого врача в неординарном и крупном развороте. Да, окончив медицинский институт, Мушкудиани отказался от медицинской карьеры и «пошел в певцы». Пошел решительно и убежденно, в одну из самых сложных специальностей в искусстве. Иметь богатейший по пластике и благородству тембра голос, быть величественно красивым и обладать столь необходимой певцу способностью чувствовать меру ответственности, которую налагает труднейшая профессия вокалиста, — ценность такого «конгломерата» трудно преувеличить.

Мушкудиани прошел одну из лучших вокальных школ в грузинском профессиональном пении — он был учеником крупного певца и педагога Валериана Каша-

кашвили, которому национальная оперная сцена обязана не одним замечательным именем.

В 1954 году, окончив консерваторию и имея в своем «походном ранце» несколько спетых в оперной студии партий, Мушкудиани пришел в Тбилисский оперный театр. Случай, этот непреременный, хрестоматийный, «диспетчер» многих счастливых актерских судеб, и здесь помог сделать первые сценические шаги молодого баса заметными и яркими. Однажды при переполненном зале в спектакле с участием Д. Гамрекли Мушкудиани спел (без единой оркестровой репетиции) партию Греммина в «Евгении Онегине» Чайковского. Кантиленный свободный разлив красивого благородного голоса и спокойное достоинство в сценическом поведении определили уровень профессиональных возможностей певца, заставили руководство театра пристальнее и заинтересованнее приглядеться к начинающему артисту. Мушкудиани смело шагнул в необятные просторы басового репертуара. Базилио из «Севильского

цирюльника» Россини, Мефистофель, Борис Годунов, Король Рене в «Иоланте» Чайковского, Штелин в «Крутияве» Сухони, Мельник в «Русалке» Даргомыжского, замечательные образы грузинского оперного репертуара и другие — послужный список певца уже в начале певческой карьеры был чрезвычайно обширен, давая четкое представление о «рабочем» начале в творческом облике артиста, о его трудоспособности, которая, в конечном счете, всегда была залогом настоящих достижений.

В своей книге «Записки оперного режиссера» Михаил Бвалиашвили, отдавший несколько десятилетий своей жизни режиссерской работе в Тбилисском оперном театре, так пишет о Тенгизе Мушкудиани: «Он не избегал никаких трудностей и охотно работал над образом столько, сколько требовалось для достижения цели. Об активности молодого артиста в первые же годы работы весомо свидетельствует такой великолепный факт: в 1955 году Тенгиз Мушкудиани спел такие сложнейшие и разноплановые партии басового репертуара, как Мефистофель («Фауст» Гюно), Владимир Галицкий («Князь Игорь» Бородин) и Борис Годунов («Борис Годунов» Мусорг-

ского). Это были очень большие, качественно неравнозначные, но чрезвычайно важные для творческого самоутверждения победы».

Его Мефистофель был, безусловно, традиционен, но это были лучшие традиции исполнения. Значительно упрощенный и волею автора смещенный из центра зрительского внимания, Мефистофель Гюно глубоко отличается от своего литературного прообраза. Удельный вес этой фигуры в спектакле тесно зависит от мастерства исполнителя. Данные Тенгиза Мушкудиани светились в этой партии новыми гранями. Элегантный, красивый в этой роли острый и злой красотой, Мушкудиани отлично пел, покаяя, прежде всего, эластичностью голоса и свободой его движения в диапазоне. Одна из самых любимых партий певца — Борис Годунов. На протяжении десяти лет, вплоть до второй постановки оперы в 1966 году, этот трагический образ рос, углублялся и трансформировался. Удивительная музыка Мусоргского, понятая, изученная, ставшая очень близкой, «кровной», насытила тембр голоса Мушкудиани новым качеством, разнообразила интонационно, помогла достичь гармонического рав-

новесия между вокальным и сценическим началами роли. Таким стал Борис Годунов ко второй постановке, и надо надеяться, что четырехлетняя вынужденная пауза не прекратила внутренней работы над ролью.

Как очень значительную веку следует отметить занятия Мушкудиани с Марком Рейзенем в период его стажировки в Большом театре СССР в 1960—61 гг. Значение Рейзена в становлении артистической личности Мушкудиани огромно и благотворно. Они придали благородному голосу Мушкудиани еще большую певучесть, обострили чувство стиля, научили пристальному вниманию к слову в музыке. Все эти качества сполна выявились и в работе над камерным репертуаром, который и по сей день является предметом особой творческой заботы певца.

Остается сказать несколько слов о гражданском облике певца. Мушкудиани был депутатом Верховного Совета республики, секретарем партбюро театра, и эта его работа неизменно отмечена свойственным ему высоким чувством ответственности.

У певца много планов. Партия Каца Звამбаи в опере О. Тақтакишвили «Похищение луны», участие в новой постановке «Бориса Годунова» и т. д. Они должны быть реализованы, должны обрести кровь и плоть. К этому его обязывает счастливая пора творческой зрелости, когда опыт и мастерство делают природное дарование мощным и уверенным в поисках художественной правды.

Л. ГОГЛИЧИДЗЕ.